

М. М. Шахнович

К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ В РОССИИ

В конце XVIII в. под влиянием сочинения немецкого просветителя И. Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества» формируется представление о единстве человечества, с одной стороны, и о самостоятельной ценности каждой отдельной культуры — с другой. В европейском обществе усиливается интерес к национальным традициям и особенностям отдельных народов, что способствует исследованию нравов и обычаев, изучению национальных языков и народного поэтического творчества. Возникновение этнографии и фольклористики, безусловно, дает решающий толчок к началу серьезного изучения мифологических представлений и обрядов. В этот период зарождается и «наука о религии» — религиоведение.

Как самостоятельная отрасль знания наука о религии окончательно оформилась в первой половине XIX в. Впервые понятие “Religionswissenschaft” было употреблено в названии ежегодника, выходявшего в течение 1804–1806 гг. в Магдебурге под редакцией Х. Хенке [1]. Первой книгой, в которой это понятие было использовано как термин, обозначающий специальную академическую науку, стал изданный в 1834 г. учебник [2] чешского философа, логика и математика Бернарда Больцано, занимавшего с 1805 по 1820 г. кафедру истории религии в Пражском университете. В 1860–1870-е годы в Германии в академических кругах употреблялось и другое выражение — “Wissenschaft der Religion” (см., напр.: [3]), однако оно не получило широкого распространения.

Во Франции понятие «наука о религии» (*science des religions*) было введено в оборот П. Лебланом [4]. Он вкладывал в этот термин особое содержание, понимая под наукой о религии аллегорическую интерпретацию мифологии в античной философии религии. В 1864 г. Эмиль Берну назвал свою книгу, посвященную исследованию религии, «Наука о религии» [5], употребив этот термин в том же значении, что Хенке и Больцано. По-английски это понятие (*science of religion*) впервые было употреблено соучеником Э. Берну Фридрихом Максом Мюллером в статье «Семитический монотеизм» (1860). Макс Мюллер стал главным популяризатором этого термина, широко используя его в своих трудах 1860–1870-х годов (см., напр.: [6, р. XI–XXVI, 183, 373; 7]). Он определял науку о религии как критическое и сравнительное исследование различных религий, или теоретическую и сравнительную теологию.

В России появление «науки о религии» как самостоятельной дисциплины следует отнести к последней трети XIX — началу XX в., когда использование сравнительного метода в языкознании повлекло за собой интерес к сравнительно-историческому изучению культур и религий различных народов, в том числе и народов Российской империи. Этот период связан с возникновением петербургских научных школ в области этнографии и истории, прежде всего истории древнего мира, имевшей большое

Шахнович Марианна Михайловна — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: mmarsh@mail.ru

значение для исследования происхождения и становления религий. Чудесное сочетание в столичном Петербурге Академии наук, Университета, Эрмитажа и Кунсткамеры способствовало тому, что именно в этом городе были написаны тогда многие труды по истории религии, которые не только демонстрировали стремительное развитие российской гуманитарной науки, но и выводили ее в авангард европейских исследований. Наряду с практическим изучением этнографических материалов и памятников древних цивилизаций, имеющих отношение к верованиям и обрядам, тогда же были выявлены основные теоретические проблемы, связанные с использованием сравнительного метода при изучении религии. Эти проблемы были в равной степени актуальны для всей мировой науки о религии того времени. Среди них — вопрос о том, является ли сравнительное религиоведение наукой, рассматривающей все религии, включая первобытную, или оно должно ограничиваться так называемыми «историческими религиями», имеющими письменную традицию; возможно ли сравнительное религиоведение как религиоведение цивилизаций, рассматривающее религию как один из важнейших культурообразующих факторов, обуславливающих замкнутость культур; возможно ли рассматривать проблему становления веры в Бога и формирование идеи Бога в контексте всеобщего линейно-поступательного развития.

Изучению истории религии, безусловно, способствовало развитие исторических наук, прежде всего истории древнего Востока и античного мира, направленное как на изучение и публикацию уже обнаруженных древностей, так и на открытие новых путем археологических раскопок. Становление и развитие отечественного антиковедения, египтологии, ассириологии, индологии, синологии тесно связано с изучением религии Греции и Рима, индуизма, буддизма, конфуцианства и даосизма, так как сам материал (прежде всего — письменные источники и памятники изобразительного искусства) не позволял отделять так называемую «гражданскую» историю от истории культуры.

У истоков российского религиоведения как самостоятельной научной дисциплины стоял Лев Яковлевич Штернберг. Он сыграл выдающуюся роль в становлении и развитии отечественной науки о религии — даже не как этнограф, а как теоретик и методолог целостного изучения религии в качестве культурно-исторического феномена, понимавший изучение религии как науку обо всех религиях, без различия между религиями письменных и бесписьменных культур. Многие исследователи XIX и XX вв. (как, впрочем, и некоторые современные ученые) изучали историю религии только как *Religionsgeschichte* (нем. «история религии»), т. е. ограничиваясь изучением только так называемых «высших религий», или религий, имеющих письменные священные тексты. Л. Я. Штернберг противопоставлял этой точке зрения традицию *Religionswissenschaft*.

В статье «Сравнительное изучение религии», написанной для Энциклопедии Брокгауза и Ефрона и опубликованной в 1900 г. в 31-м томе, он указывает, что наука о религии не только не исключает исследования религий первобытных племен, но «именно их изучение ставит краеугольным камнем всего здания науки, исходным пунктом эволюции человечества» [8, с. 179]. Он выделяет основной методологический принцип антропологического исследования религий: «Между примитивными императивами первобытных культур и грандиозными этическими учениями высших религий — разница лишь в стадии социального и умственного развития» [8, с. 525]. Л. Я. Штернберг ссылается на «главнейшего университетского представителя этой науки» Корнелиса

Тиле, который считал, что «все религии родились из одних и тех же первоначальных зачатков» [8, с. 180].

Главной задачей науки о религии Корнелис Тиле, возглавлявший кафедру истории и философии религии на теологическом факультете Лейденского университета, считал преодоление присущей конфессиональной теологии внутренней несогласованности, вызванной пренебрежением знаниями о нехристианских религиях и господством спекулятивного метода. Он полагал, что наука о религии должна изучать религии всего человечества в целом, преодолевая резкое разграничение естественных религий и религий откровения, интегрируя исследование библейских религий в круг остальных мировых религий. Наука о религии должна состоять из двух частей: исторической, которая занимается морфологией, применяющей в том числе и сравнительную методологию, и психологической, которая вскрывает сущность религии. В отличие от Пьера Шантепи де ла Соссе, который был последовательным антиэволюционистом, Тиле опирался на идеи Э. Тайлора в критике концепции Макса Мюллера о первобытной религии как религии примитивного откровения. Тиле считал неудовлетворительным объяснение происхождения религии, данное Максом Мюллером, который вслед за Шлейермахером связывал источник развития религии с идеей бесконечного. Вслед за Тайлором голландский теолог отрицал теорию фетишизма как раннего этапа религиозной истории человечества, признавая его наличие во всех религиях. Однако в статье «Религии» (1885 г.), написанной для XX тома девятого издания *Encyclopaedia Britannica*, он указал, что примитивные религии представляют собой результат деградации более высоких форм религии, встав на позицию, близкую прамоноотеизму. Л. Я. Штернберг в своей статье для Энциклопедии Брокгауза и Ефрона указывает на эту статью Тиле, равно как и на его учебник по истории религии 1876 г.¹ Л. Я. Штернберг отмечает, что в «новейшем позитивном своем направлении сравнительное изучение религии имеет мало предшественников», называя лишь Юма и Шарля де Бросса, а затем указывает в качестве определяющей для современной ему науки о религии сравнительно-антропологическую школу Спенсера, Тайлора, Моргана, Леббока, Мак-Леннана, Манхардта и Фрэзера [8, с. 181].

Ценность и значение статей Л. Я. Штернберга о религии в энциклопедии Брокгауза и Ефрона для развития религиоведения в России трудно переоценить. Сам Л. Я. Штернберг писал в начале XX в., что русская литература бедна монографическими работами по науке о религии, выделяя только труд В. М. Михайловского «Шаманство» (1892). Тем не менее он отмечал, что много статей и материалов разбросано в периодических изданиях. В свое время еще В. Г. Богораз указывал: для того чтобы судить о качестве работ Л. Я. Штернберга, надо сравнить их с тем, что им предшествовало. Скажем, в 39-м томе той же энциклопедии Брокгауза и Ефрона была помещена статья «Шаманизм» за подписью востоковеда и археолога Н. И. Веселовского, которая начиналась так: «Шаманизм самая грубая языческая религия, некогда имевшая широкое распространение. Теперь шаманизма придерживаются немногие сибирские инородцы...» (цит. по: [10, с. 16])². Кроме того, нам известно, как относилась к сочинениям по так называемым «языческим верованиям» цензура и какому редактированию они подвергались (доста-

¹ Опубликовано на голландском языке в 1876 г., второе издание — 1897 г. Английский перевод — 1877 г. [9]; французский — 1885 г., немецкий — 1895 г.

² В. Г. Богораз считал, что статья «Шаманизм» была написана Л. Я. Штернбергом, но отредактирована Н. И. Веселовским.

точно вспомнить историю публикации трудов А. Н. Афанасьева, касающихся обрядов и поверий).

Л. Я. Штернберг, не будучи еще знаком с анимистической концепцией Э. Тайлора, в своих ранних трудах пришел к тем же выводам, что и британский исследователь: анимизм — универсальное мировоззрение первобытных народов. Первобытный человек приписывает д́ухам свою собственную психологию и придает им антропоморфный облик. Анимизм — стадия философско-религиозного мышления, через которую прошло всё человечество. Однако в отличие от Тайлора, рассматривавшего возникновение представлений о душе как начало формирования анимистического мировоззрения, в процессе которого возникает одушевление природы и вера в духов, Л. Я. Штернберг считал, что представления о душе появляются в результате процесса оживотворения окружающей природы, имеющего три стадии. Первая — одушевление и очеловечение природы, или аниматизм (всеобщее оживотворение, пренесение на природу основных признаков человеческого естества); вторая — открытие д́ухов — первичный спиритуализм или одухотворение природы, население ее д́ухами; и лишь третья — открытие души — возникновение представления о душе. Причем первоначально душа мыслится как нечто материальное, и лишь постепенно в процессе эволюции формируются представления о бестелесной душе и различных видах душ (внешние, парциальные и т. д.). Л. Я. Штернберг считал, что концепция универсального дуализма, деления духов на добрых и злых возникает в результате борьбы за существование, в которой он видел основу религии.

Л. Я. Штернберг критиковал и так называемый «маго-динамизм», или преанимизм, считал, что магия — вторичное по отношению к анимизму явление. Он полагал, что вера в мана выросла из первоначального анимизма, что «не тотемизм создал родовых богов, а родовые боги создали тотемизм», что родовая организация, теротеизм и культ природы, так же как и специальный родовой культ и экзогамия, предшествовали возникновению тотемизма. Однако он придавал тотемизму большое значение в процессе эволюции религии. В статье «Тотемизм» (1901) он писал, что в тотемизме как в зародыше заключаются все главнейшие элементы дальнейших стадий религиозного развития: родство божества с человеком, табу, запретные и незапретные животные, жертвоприношение животного и обязательное вкушение его тела, выделение из тотемного класса избранного индивида и содержание его при жилищах, отождествление человека с божеством-тотемом, власть религии над социальными отношениями, санкция общественной и личной морали и мстительное заступничество за оскорбленное божество.

Л. Я. Штернберг рассматривал процесс формирования представлений о божествах как эволюцию от веры в антропоморфных духов к политеизму, монотеизму и пантеизму. Особое значение придавал он изучению шаманизма, полагая, что в основе шаманского избранничества лежит половой мотив, связанный с особенностями патологической психики и эротическими сновидениями. Сексуальный мотив Л. Я. Штернберг раскрыл и в культе близнецов, рассматривая его на этнографических материалах не только народов Сибири и Сахалина, но и Южной Америки, Африки и Китая. Он доказывал существование этого культа у древних египтян, вавилонян, иранцев, греков, германцев, славян. Л. Я. Штернберг полагал, что близнецность — это не только внешний символ парных божеств, связанный с небесными светилами, но важный элемент первобытных верований и культа, вызванный верой в участие в зачатии близнецов, помимо действительного отца, существа высшего порядка. Л. Я. Штернберг считал

чрезвычайно важными полевые исследования и, критикуя Дюркгейма, отмечал, что тот был кабинетным ученым и именно поэтому считал, что анимизм построен на иллюзии. Описывая практику изготовления инау, Л. Я. Штернберг указывал, что с нашей точки зрения ходячая палочка — это вздор. Но на этой нелепости люди строят свою жизнь, действуют благодаря ей с уверенностью, объясняют причины явлений. Эта нелепая гипотеза — рабочий инструмент для созидания практической жизни [8, с. 536].

Л. Я. Штернберг был первым, кто стал преподавать «науку о религии» в России, и от его занятий со студентами в кружке на географическом факультете Санкт-Петербургского университета, которые начались еще в 1907 г., ведет свою историю университетская школа религиоведения. Отдельно он занимался со студентами восточного факультета. О том, с каким интересом слушали эти лекции и какое значение они имели для становления молодых ученых, свидетельствуют их воспоминания. Так, египтолог Н. Д. Флитнер писала: «Мало в жизни людей, имеющих право называться учителями, Лев Яковлевич один из них. И не только словом учил он, сколько всем своим обликом, всей своей деятельностью» (цит. по: [11, с. 46]). А фольклорист и литературовед М. К. Азадовский еще в 1927 г. писал, что для него лекции Л. Я. Штернберга значили чрезвычайно много и в значительной степени определили ход и направление дальнейшей работы [там же].

В 1915 г. Л. Я. Штернберг принял участие в организации Высших географических курсов, позднее преобразованных в Географический институт с особым этнографическим факультетом, деканом которого он стал. В 1925 г. Географический институт был реорганизован в географический факультет Ленинградского государственного университета, профессором этнографического отделения которого Л. Я. Штернберг оставался до конца своих дней. В 1925–1926 и 1926–1927 учебных годах именно там он читал свой знаменитый курс «Эволюция религиозных верований», который в течение многих лет был единственным российским систематическим руководством по сравнительному изучению религии и за который в более позднее советское время его обвиняли в идеализме [12, с. 756].

Интересно, что самые современные теории религии возвращают нас к дискуссиям, к спорам о природе анимизма, которые велись более 100 лет назад. С начала 1990-х годов в западном религиоведении сформировалось течение, возвращающее исследования религии в русло объяснительных теорий, ищущее генезис религии в особенностях мышления. Это направление, рассматривая религию как форму познавательной деятельности, связывает проблемы ее генезиса с общими вопросами происхождения сознания и выявления специфики его ранних форм.

Важным исследованием в области когнитивного изучения религии стал труд П. Бойера (Буае) «Естественность религиозных идей» (1994) [13]. В нём доказывается: для того чтобы в сознании возникли религиозные идеи, нерелигиозные представления о том, чем является окружающий мир, должны быть нарушены в самых незначительных деталях. Имеются в виду два возможных изменения: либо нарушение одного из представлений внутри одной категории, либо перестановка одного из представлений из одной категории в другую. Например: наши обычные представления о человеке заключаются в том, что он существо биологическое, т. е. физическое, живое и мыслящее. Нарушение наших представлений относительно только физических свойств существа приводит к возникновению понятия сверхчеловеческого существа, т. е. существа мыслящего и живого, но бестелесного. Бойер доказывает, что сознание устроено таким

образом, что идеи, противоречащие обыденному рассудку, здравому смыслу, укрепляются в нашем сознании намного прочнее. Он называет это мнемоническим преимуществом абсурдных идей. Религиозная идея, по его мнению, должна иметь те свойства, которые присущи любой другой идее, и в то же время отличаться чем-то, что выделяет ее среди конкурирующих идей, — и тогда она оказывается более влиятельной. Строго говоря, не существует никакого специального поля религиозной информации. Человеческий мозг устроен так, что реагирует на любую информацию, если она захватывает его внимание исключительно благодаря запоминаемости или необычности.

В начале этого столетия П. Бойер (Буае) в книге «Объясненная религия» (2001) [14] и С. Атран в книге «Веруем в богов. Эволюционный ландшафт религии» (2002) [15], основываясь на достижениях когнитивной и эволюционной психологии, выдвинули гипотезу о том, что религия представляет собой «побочный продукт» эволюции мозга, возникший в результате определенных сбоях в работе отдельных «модулей», или участков, мозга, предназначенных для обработки информации только определенного типа.

В своей монографии «Лица в облаках», выпущенной в 1993 г., американский психолог С. Гатри утверждает, что у человека существует способность видеть одушевленные, антропоморфные признаки во всём, что нас окружает. Этот присущий всем людям ментальный инструмент был назван «детектором сверхчувственной силы» (*Hypersensitive Agency Detection Device*) [16]. Психолог Дж. Барретт в экспериментальном исследовании детей и взрослых доказал, что антропоморфизм и анимизм — результат активности этого ментального инструмента [17]. Таким образом, вместе с присущей человеку способностью осознавать, что другие люди обладают разумом и испытывают чувства, сверхчувствительный детектор человеческой деятельности порождает религиозные верования о том, что разумом и чувством обладают животные, неодушевленные предметы природы и т. п.

С уверенностью можно утверждать, что когнитивное религиоведение в США, Канаде и странах Западной Европы на сегодняшний день является одной из наиболее сильных стратегий междисциплинарного исследования религии и одной из важнейших научных школ в современном религиоведении, что подтверждается созданием в начале 2006 г. Международной ассоциации когнитивного религиоведения (*International Association for the Cognitive Science of Religion*). Таким образом, наука о религии, которую создавал Л. Я. Штернберг, продолжает развиваться, осваивая новые методы и предлагая новые теории.

Литература

1. Museum für die Religionswissenschaft in ihrem ganzen Umfang / hrsg. von H. Ph. K. Henke. No. 1–3. Magdeburg, 1804–1806.
2. Bolzano B. Lehrbuch der Religionswissenschaft. Sulzbach: J. E. Seidel'schen Buchhandlung, 1834.
3. Tölle W. Die Wissenschaft der Religion. Bd. 1–2. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1865–1871.
4. Leblanc T.-P. Les religions et leur interprétation chrétienne. T. 1–3. Paris: J. Leloux et Jouby, 1852–1854. 361+384+364 p.
5. Burnouf É. La science des religions. Paris: Maisonneuve et cie, 1872. 460 p.
6. Müller F. M. Essays on the Science of Religion. London: Longmans, Green, and Co., 1867. 289 p.
7. Müller F. M. Introduction to the Science of Religion. London: Longmans, Green, and Co., 1873. 352 p.
8. Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии: исследования, статьи, лекции. Л.: Издательство института народов Севера ЦИК СССР, 1936. 592 с.

9. *Tiele C. P.* Outlines of the History of Religion to the spread of the Universal Religions / transl. by J. E. Carpenter. London: Trübner, 1877. 249 p.
10. *Богораз В. Г.* Л. Я. Штернберг как этнограф // Сборник МАЭ. Т. VII. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. С. 4–30.
11. *Ратнер-Штернберг С. А.* Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии Академии наук (по личным воспоминаниям, литературным и архивным данным) // Сборник МАЭ. Т. VII. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. С. 31–70.
12. Краткий научно-атеистический словарь. М.: Политиздат, 1969. 789 с.
13. *Boyer P.* The Naturalness of religious ideas: A Cognitive theory of religion. Berkeley: Univ. of California Press, 1994. 324 p.
14. *Boyer P.* Religion explained: the evolutionary origins of religious thought. New York: Basic Books, 2001. VII+375 p.
15. *Atran S.* In Gods We Trust: The Evolutionary Landscape of Religion. Oxford; New York: Oxford University Press, 2002. 388 p.
16. *Guthrie S. E.* Faces in the Clouds. A New Theory of Religion. Oxford; New York: Oxford University Press, 1993. 290 p.
17. *Barrett J. L.* Why Would Anyone Believe in God? Walnut Creek, CA: AltaMira Press, 2004. 152 p.

Статья поступила в редакцию 25 февраля 2013 г.